

ПИСАТЕЛЬ-ПАТРИОТ

Он трудные километры
Нелёгкой стезёй отмахал...

Виктор Яганов

Борис Андреевич Машук... Впервые я увидела его в начале шестидесятых. В обкоме комсомола подводились итоги областного конкурса школьников на лучшее сочинение героико-патриотической тематики. Ждали, когда соберутся члены конкурсной комиссии. Явно запаздывая, пришёл журналист из газеты «Амурский комсомолец» Борис Машук, высокий, красивый, энергичный и весёлый человек. Но запомнился он не яркой внешностью, а очень неравнодушным, заинтересованным отношением к сочинениям конкурсантов: он горячо спорил, отстаивая свои оценки, радовался творческим удачам юных сочинителей. Это первое впечатление запомнилось, потому что, как показало время, оно было верным.

Шли годы, десятилетия, Машук стал писателем, известным не только в Приамурье, но и далеко за его пределами, он прошёл свои «трудные километры», оставаясь целеустремлённым, болеющим за судьбы литературы, честным и смелым человеком, с горячим сердцем и азартным характером.

Борис Андреевич Машук родился, как он сам говорил, «в роковом 37 году», 13 февраля, в Свободном. Жил в Завитинске, но, пяти лет оставшись без отца и матери, был привезён к дедушке и бабушке по материнской линии, Николаю Николаевичу и Пелагее Ильиничне Даниловым, на небольшой полустанок Дея, что на Транссибе, в Завитинском районе. Детство Бориса пришлось на суровые военные годы, о чём в одной из лучших своих книг «Горькие шанежки», во многом автобиографической, он рассказал с благодарностью и уважением к своим опекунам и воспитателям. Позже писатель скажет о том, что воспитывали его «не только родные, но и друзья, товарищи, частично улица». В военное лихолетье дети выросли быстро, вместе со старшими испытывая тяготы и лишения, переживая сообщения о гибели близких на фронте, а в 45-м

Николай Николаевич и Пелагея Ильинична Даниловы — дедушка и бабушка Бориса Машука

1941 год. Боря Машук с мамой и старшей сестрой

радуясь светлому дню Победы. «Ваша жизнь — в Ваших книгах. Как в документальных фильмах старого кино проходит перед нами наше детство, и после этой книги нам понятно, откуда Ваша доброта, искренность, распахнутая настежь душа и детское доверие к людям», — так отзывались о «Горьких шанежках» писатели Хабаровска.

В Дее Борис пошёл в школу, учение продолжил в Завитинске, в школе-интернате для детей железнодорожников. В 1952 году он поступил в ремесленное училище при заводе имени Горького в Хабаровске, по окончании которого два года работал на этом же заводе токарем. В 1955-56 годах Машук — матрос Дальневосточного морского пароходства, затем — кочегар на судах «20 лет комсомола», «Аргунец» Амурского речного пароходства. В 1956 году был призван в армию, три года служил в радиотехнических войсках Забайкальского военного округа, стал радистом 1-го класса. В армии Борис вступил в комсомол. С фотокарточки на комсомольском билете, выданном в июне 1957 года двадцатилетнему солдату, смотрит юноша с прямым и твёрдым взглядом, выражение лица решительное — такого не свернёшь с пути! А через два года появилась новая фотография — на классификационном билете радиолобителя 2-го спортив-

ного разряда, выданном Читинским областным комитетом ДОСААФ: старший сержант Машук возмужал, его красивое лицо стало более строгим и сосредоточенным — армия закаляла характер.

В 1959 году Машук приезжает в Благовещенск. Здесь его трудовой путь — через рабочие коллективы, настоящую мужскую работу в спецмонтажном управлении «Райчихинскуглестроя», в бригаде трубоукладчиков, слесарем по монтажу. Бориса, энергичного и общительного рабочего, избирают секретарём комсомольской организации управления, затем и членом бюро Благовещенского горкома ВЛКСМ. Уже в те годы проявляется у него интерес к журналистике, к литературному творчеству.

В декабре 1961 года, едва сняв спецовку монтажника, Борис пришёл в редакцию газеты «Амурский комсомолец» на должность заведующего отделом писем. Но энергии Машука хватало и на общественные дела: он вёл клуб юнкоров, руководил студией молодого журналиста в педучилище № 2. И сам учился, закончив в 1964 году школу рабочей молодежи № 7. В аттестате зрелости о среднем образовании по литературе, истории — «5». Среди учительских подписей на аттестате — подпись словесника

Учащиеся
ремесленного
училища
в Хабаровске.
В первом ряду второй
слева — Борис Машук

Э. А. Шулятьева. Пройдет время, и бывший ученик по просьбе учителя будет участвовать в педагогической конференции «Так что же такое «хороший метод»?».

Газету «Амурский комсомолец», которая приняла его, рабочего, солдата, в журналистскую среду, Машук не забудет. Уже став известным писателем, скажет о ней: «Газета не стареет». Не мог забыть редакцию «Амурского комсомольца» и потому, что там его в 1962 году приняли в партию. Машук из тех, кто выбор сделал на всю жизнь, не стал «перевертышем», как иные. Журналистские пути-дороги приводили его к замечательным людям, о которых он писал: «Я встречал сотни коммунистов с большой буквы, до сердечных приступов болеющих за свой завод, колхоз, район, область». Из числа таких был Бонецкий Иван Сергеевич, первый секретарь Мазановского райкома партии. Когда Машука направили в 1965 году в Новокиевский Увал заместителем редактора районной газеты «Знамя труда», в лице Бонецкого он обрёл хорошего наставника. Однажды, во время сенокоса, тот повёз Машука в совхоз «Красноярковский». На полевом стане завязался горячий разговор о делах крестьянских — в результате в районке появилась острая и своевременная статья Машука «На зов спелого колоса». Такие же интересные и полезные поездки с Бонецким были и в Сапроново, и в Маргаритовку...

В 1970-м Машук был направлен в газету «Амурская правда» спецкорреспондентом отдела партийной жизни. Постоянные командировки по области, напряжённая журналистская работа (выдать материал в срок!) не заглушили в газетчике более высокой страсти — к литературному творчеству. В периодической печати появились первые рассказы Машука: «О чём гудят провода», «Васькины часы», «Зажигалка» и другие. Уже шла работа над повестью о гражданской войне.

«Из-за этой повести пришлось попросить о собственном отчислении со 2-го курса истфака пединститута», — с сожалением признавался писатель впоследствии. С газетой тоже надо было расставаться. Узнав о решении Машука уйти на вольные писательские хлеба, в редакции недоумевали. «В «Амурской правде» ты один из лучших, печатаешься часто. А там что? Ну, создашь что-то, но ведь книгу издать архисложно!» — убеждал коллега по газете, известный в области журналист Александр Филоненко. И он же в день 60-летия Машука признал: «Борис, ты был прав!». Спустя годы Борис Андреевич с благодарностью вспоминал газету, которая стала для него стартовой площадкой в литературу, трудной школой познания жизни, людей, овладения словесным мастерством, воспитания гражданской смелости.

Поселок Тахтамыгда,
арматурный завод.
Рабочий завода Борис Машук (справа)
перед уходом в армию

Воин Советской
Армии

Замысел написать о герое гражданской войны в Приамурье Георгии Рулёве возник не случайно: имя отважного партизана было на слуху, его часто упоминали в газетах, по радио. Установленный у перрона станции Среднебелая памятник-обелиск «Легендарному Герке, партизанскому разведчику и командиру...» побудил Машука взяться за перо, чтобы создать герою литературный памятник. В школе села Маргаритовка он нашёл воспоминания начальника 1-го партизанского района Я. В. Прохорова, в которых рассказывалось о Рулёве. Стал собирать материалы о жизни партизана: установил переписку с Я. В. Прохоровым, членами отряда «Неустрасимый» И. А. Гальченко, А. Я. Гливенко, с бывшим жителем села Семиозёрка А. П. Москаленко, на квартире у которого бывал Герка. Изучал архивные материалы, труды историков, считая, что читатель поверит в написанное о прошлом, если писатель об этом прошлом будет знать много. На творчество о героическом прошлом вдохновляли и знакомые места: недалеко от Маргаритовки в 1919 г. партизаны разгромили крупные военные силы японских интервентов. Сначала Машук написал рассказ «Девятнадцатая весна» — о гражданской войне в Приамурье. Затем пришло решение создать повесть.

В 1971 году повесть «Сполохи» вышла 100-тысячным тиражом во всесоюзной серии «Подвиг». Через семь лет Хабаровское издательство таким же тиражом переиздало книгу, и она разошлась быстро. Успех первой книги писателя был несомненным. Убедительно и ярко Машук рассказал о жизни в Амурской области в грозные годы гражданской войны, когда активизировалась казачья верхушка, а для «охраны порядка» прибыли японские войска. События заставляли каждого сделать выбор. Партизанское движение ширилось, засверкали зарницы, сполохи, предвестники грозы. Герка Рулёв, бесстрашный партизанский разведчик и агитатор, собрал из крестьянских парней отряд «Неустрасимый», действия которого наводили страх на врагов: горели железнодорожные деревянные мосты, пускались под откос эшелоны с японскими интервентами и белогвардейцами. «Время не давало скидки на молодость», — пишет автор повести, и его герой в свои 22 года — это стойкий и мужественный воин, талантливый командир. И в то же время Герка предстаёт в повести добрым и душевным человеком, юношей, познавшим радость первого сердечного чувства.

За голову Рулёва японское командование назначило награду в 10 тысяч иен. Гибель Герки потрясает: его короткая и яркая жизнь, как зарница, вспыхнула и осветила для многих путь к борьбе за освобождение.

Жизненно правдивы и художественно убедительны характеры партизанского командира Кропотова, бойцов отряда «Неустрасимый» Кости Жука, Желобка и других. По глубине раскрытия темы гражданской войны на Дальнем Востоке повесть Б. Машука можно поставить в один ряд с «Разгромом» А. Фадеева, «Партизанскими повестями» Вс. Иванова.

С большим интересом был встречен спектакль по повести «Сполохи», поставленный в 1975 году Амурским театром драмы. На театральной программке значилось: «Это спектакль о неуловимом «красном мстителе» Герке Рулёве, его мужестве и отваге».

На книге о разведчике Рулёве воспитывались поколения амурских мальчишек. В педагогическом институте на читательской конференции по повести «Сполохи» писатель услышал рассказ об ученике одной из благовещенских школ, озороватом и непослуш-

Корреспондент газеты
«Амурский
комсомолец»

ном Саше Сухине, поведение которого резко изменилось после чтения повести Машука. На собрании отряда мальчик признался, что, прочитав книгу «Сполохи», он представил себе Герку, «сильного, перепоясанного патронташной лентой», призывающего к ответственности. И Саше захотелось быть похожим на отважного командира. Не раз приходилось автору повести слышать о желании подростков стать такими же мужественными, смекалистыми, как его герой. Со страниц книги Герка Рулёв ушел в жизнь.

Много и плодотворно работает Б. Машук в начале творческого пути. В сборнике «Приамурье моё» за 1970 год печатает очерк «Где-то там, у самой Олёкмы» — об Анатолии Ивановиче Куклеве, председателе эвенкийского колхоза «Ленин октон» в Усть-Нюкже, мужественном человеке, из породы созидателей, который помогал эвенкам в суровых условиях Севера строить новую жизнь. Начал Куклев это строительство со времён, когда ему пришлось усть-нюкжинцам, потрясённым впервые увиденным кинофильмом, всю ночь (семь раз подряд!) крутить киноленту «Чапаев», а в 50-е годы он с ними же самолётом летал в Москву представлять на ВДНХ достижения, за которые колхозу была вручена Большая серебряная медаль.

Машука привлекали не только мужественные и сильные духом созидатели, но и увлечённые открытиями исследователи. С новосибирским археологом Анатолием Мазиним писатель совершил трудный поход на север по реке Онони — к долине «писаного камня», археологического памятника двухтысячелетней давности. Об этом — путевые записки «В долине “писаного камня”» («Приамурье моё», 1972). Живописны картины сурового Севера: лабиринты протоков, завалы деревьев, мхи, россыпи брусники... В лучших традициях русской литературы дано описание наступления ночи в безбрежной тайге. Северная красота радует и настраивает автора на философские раздумья о взаимосвязи природы и человека, о наступлении цивилизации на естественный мир. Автор взволнован встречей с древним памятником культуры — «писаным камнем»: «Я замер, поражённый своеобразной красотой и величию этого монумента». На девяти гранитных плоскостях — рисунки человечков, оленей, каких-то загадочных предметов. Машук подчёркивает не только научную цель изучения этого памятника, но и патриотический его смысл — определить время появления рисунков и тем самым глубже заглянуть в историю родной страны. «Ради истории уходят в тайгу такие одержимые и верные научному долгу, как Анатолий Мазин», — заключает автор записок, восхищаясь теми, кто ценою огромных усилий открывает

Где-то там, у самой Олёкмы...

потомкам страницы далёкого прошлого родины. Удивительно заканчивается очерк: корреспондент перед уходом остался у «писаного камня» один, он услышал «гудение ветра в расщелинах между глыбами... скала будто прощалась, сожалея о расставании, обрекающем её на долгие годы одиночества... Прощай, «писаный камень», хранитель тайны веков, свидетель судеб племён и поколений». Писатель сумел передать ощущение времени, запечатлел мгновение истории.

В 1973 году увидела свет документальная повесть Б. Машука «В тайны сердца» — о работе кардиохирургов областного центра под руководством профессора Я. П. Кулика. Варианты повести были опубликованы в сборнике «Приамурье моё» (1969) и журнале «Дальний Восток» (1972, №№ 1–2).

Верный принципу — писать о том, что хорошо знаешь, — Машук, не будучи медиком, глубоко разобрался в проблемах сердечной хирургии, чему способствовали неоднократные встречи с Я. П. Куликом, наблюдения за работой врачей кардиологического центра, за их длинной и трудной дорогой в тайны сердца. Он видел сердце человека на ладони хирур-

га. Повесть «В тайны сердца» — это хроника самоотверженного коллективного труда учёных-медиков, увенчавшегося открытием в Благовещенске лаборатории искусственного кровообращения, в ранге филиала Академии медицинских наук. А главное — открытия были сделаны во имя спасения людей.

В центре повествования — личность Ярослава Петровича Кулика, талантливого хирурга, учёного, чей доклад на международной конференции кардиологов в Праге произвёл настоящий фурор: в городе на далёком Амуре сделан шаг вперёд в решении проблемы, десятилетия волновавшей исследователей многих стран — создан новый метод операции на сердце в условиях искусственного кровообращения.

В повести автор показывает, как рядом с Куликом, требовательным и жёстким руководителем, вырастают его ученики, познавшие радость первооткрывателей, «вдохнувшие воздух высшей медицины». Запоминаются, казалось бы, обречённые, но спасённые кардиохирургами паци-

Борис Машук (на снимке справа) в путешествии с друзьями по Гилую.

В центре — геолог Виталий Белюшин. Слева — благовещенский художник Леонид Шатон, написавший портрет Б. Машука, помещенный на обложке этой книги

енты: Надя в 13 лет обрела радость полноценной жизни; женщина-мать, оставившая в далёком посёлке двух девочек, согласилась на тяжёлую операцию: «Мне жить надо... делайте»; девочка Лена, за чью жизнь врачи боролись долгие часы... Хроникальность повествования не заслоняет художественных достоинств книги, в которой воссоздан образ города, где совершаются научные открытия. Многочисленные пейзажные зарисовки в композиции повести служат не только выражением любви автора к городу — они дают ощущение реальности происходящего, являясь ненавязчивой и тонкой поэтизацией труднейшего дела врачевания людей.

Повесть пронизана добротой, чуткостью к чужой боли. Перечитывая книгу сегодня, думаешь о Машуке: «Боль других остро чувствовал, а своего сердца не уберег».

В 1974 году по командировке издательства «Молодая гвардия» Машук неоднократно выезжал на БАМ. Он увидел, как в экстремальных условиях Севера самоотверженно трудятся строители магистрали. Общение с руководителями стройки позволило писателю глубоко и обстоятельно постичь проблемы и трудности великого дела. Оказавшись в гуще событий, будучи в каждодневном контакте с рабочими, Машук понял смысл крылатой тогда фразы: «Мы строим БАМ, БАМ строит нас!». О закалке, становлении характеров на великой стройке писал поэт-бамовец Владимир Гузий:

Здесь сосны до неба, работы до неба.

Мы все позабыли, что есть слово «нега».

Что есть где-то отдых в уютных отелях,

Но мы не заплачем —

Ведь мы так хотели.

И его же строки:

...Ты поймёшь, что в ливнях и пыли

Лучшую дорогу нашей жизни

Мы с тобою вовремя прошли.

На БАМе, услышав эти и другие стихи членов литературной студии «Звено», Машук так отозвался о них: «Нашему потомку нетрудно будет по таким стихам представить дыхание времени, отношение к жизни, понимание долга и гражданственности». О мужестве и энтузиазме стро-

ителей магистрали, о великом напряжении их сил вскоре написал и сам Машук.

В 1975 году в журнале «Молодая гвардия» (№ 12) появилась его повесть «Трудные километры». Это была первая в литературе правдивая повесть о строителях БАМа. Её публикация в сборнике «Приамурье моё» (1975) вызвала большой интерес читателей-земляков. Позже повесть была опубликована в сборнике «Великие вёрсты» (издательство «Молодая гвардия»), в журнале «Советская литература» — на семи языках для зарубежных читателей, в «Роман-газете» (№ 5, 1976), в Западно-Сибирском издательстве, передана по Всесоюзному радио, о чём главный редактор передачи Сергей Есин предварительно телеграфировал Машуку. Из Москвы пришла ещё одна телеграмма: «Спасибо за повесть», — благодарил известный писатель и редактор журнала «Молодая гвардия» Анатолий Иванов.

Но судьба произведения не была безоблачной. Это предвидел автор, понимая, что его повесть «шла вразрез с многочисленными публикациями шапкозакидонистого тона о стройке». При подготовке повести для публикации в сборнике «Великие вёрсты» автору было сделано предложение изменить заголовок. «Нам всем он кажется несколько неуклюжим, хотя мысль его правильная. Так что думай, и мы тоже будем думать», — писал автору сотрудник издательства И. Савельев. Повесть пошла в набор, но Машука продолжали склонять к изменению названия. «Будете ли менять название? Ждём ответа!» — запрашивал И. Савельев. Заголовок повести «Трудные километры» не стыковался с названием сборника «Великие вёрсты» — в нём не звучали победные фанфары, зато угадывались великие трудности. И в издательстве дали другой заголовок, на сей раз действительно неуклюжий, а точнее, просто незурный — «Другие, Лютов и километры».

Из редакции «Роман-газеты» Борису Андреевичу также пришло письмо от редактора С. Гладковой: «На редсовете высказывалось мнение, что в повести есть не совсем верный крен, в результате которого создаётся ощущение, что в повести прославляется работа на износ... автору предлагается внести размышление Лютова о том, что дальше так работать нельзя. Просим Вас внести дополнения». Замечание удивило автора, а предупреждение о том, что повесть будет сокращена (в номере «Роман-газеты» одновременно печаталось 5 повестей), вызвало боль за своё детище: «С волнением буду ждать экземпляр того, что останется от километров» (из письма Б. Машука С. Гладковой).

Авторское заглавие — «Трудные километры» — очень точно и выра-

Б. А. Машук ведёт
заседание
Амурского
литературного
объединения.
Справа —
Николай Фотьев,
слева — Владимир
Колыхалов.

зительно. Так сложились обстоятельства на стройке, что за предельно короткий срок надо было проложить дорогу до 103-го километра трассы. Оставалось два километра и одна ночь. Начальник строительного поезда Лютов, молодой талантливый инженер, способный принимать смелые решения, и бригадир путеукладчиков, опытный строитель Бурьянов повели рабочих, как в атаку, «давать километры». Ночь, мороз, ветер и труд не ради рекорда. Руководители немногословны. Лютов — рабочим: «Никаких «если» не может быть...». Бурьянов: «Все ждут сто третьего». И штурм начался. Автор рассказывает о труде бамовцев так, что не возникает сомнения — он сам был там, на этих трудных километрах, видел не только тяжёлую работу, но и ювелирный до миллиметров труд путеукладчиков. Бригада вышла на 103-й километр. Ни с чем не сравнимая радость трудовой победы передана писателем в сцене, когда последнее звено повисло над полотном дороги: «Лютову тоже хотелось встать в один ряд с бригадой, выправлять звенья... положить на рельсы пару собственных рук. Он жил едва скрываемой радостью, чувствуя, что ради вот такого момента стоило прожить прошедшую ночь».

Образ Лютова — наибольшая удача автора повести. Лаконично и очень зримо дан через художественную деталь портрет: «У него в каждом зрачке по пуле сидит». Характер Лютова ёмко обозначен одной фразой: «Он был из тех, кто не размахивает руками у горящего дома, а первым хва-

тает ведро с водой». Художественно убедительны и по-человечески интересны все персонажи. При небольшом объёме книга богата содержанием: в ней — о времени, о людях труда, о сложных человеческих судьбах. Это достигается стройной композицией, многообразием художественных приёмов, которыми Машук, пройдя самостоятельно школу творчества, вполне овладел.

Повестью заинтересовались на «Мосфильме». В октябре 1975 года Машук получает телеграмму: «Объединение телевизионных фильмов Мосфильма просит Вас дать согласие на экранизацию вашей повести «Стальные (так в телеграмме. — М. Ю.) километры». Писатель дал согласие, но с условием совместной работы над киносценарием с режиссером-постановщиком фильма, так как к этому времени сценарий был уже написан самим автором повести и отдан для отзыва писателю Юрию Нагибину, побывавшему летом 1975 года в Благовещенске и Тынде. Из письма Нагибина Машуку от 2 сентября 1975 года: «Начало сценария я прочёл. Тема интересная, но проходная ли? В этом я сильно сомневаюсь. В нашем трусливом кино опасаются всего... Я не верю, что такой сценарий пройдёт. Жизнь переменчива, и, может, наше кино опять повернётся к истинным, а не мнимым проблемам жизни». Так многоопытный в литературных делах писатель, хорошо знающий конъюнктуру столичной киностудии, предупреждал о препятствиях на пути к экрану повести о трудных километрах. Экранизация не состоялась. Но достойную награду автор повести получил: на Всесоюзном литературном конкурсе под девизом «Корчагинцы 70-х» за повесть «Трудные километры» Машук получил вторую премию имени Н. Островского. В одном ряду со строителями магистрали писателю вручили медаль «За строительство БАМа».

В последние годы, когда БАМ переживает трудное время, повесть Машука не даёт забыть трудовые подвиги строителей магистрали, которые верили, что дорога позволит освоить богатые недра огромного края. В одном из выступлений Машук сказал: «Это потом БАМ назовут «дорогой в никуда», «тупиком века», «напрасной тратой сил и средств». Таких бы спросить: «А ты представляешь положение огромного региона, если что-то хотя бы на неделю остановит Транссиб?» Когда в сентябре-октябре 2003 года в Сибири, совсем близко от Транссиба, произошло землетрясение, правота и прозорливость Машука осознавались особенно. Долгие годы писатель не терял связей с бамовцами, близкими ему по жизненной позиции, он продолжал о них писать в очерках «94-я уходит на запад», «Дорога к звёздной мечте» и других.

матер и сыновья. С любовью и детски-
-ним восторгом, написав эти книги,
-веди меня к тебе, о своем дет-

1983 год.

Возле Амурского
областного театра драмы,
где был поставлен
спектакль
по повести «Сполохи»

Успехи не вскружили голову писателю. Он осознаёт необходимость учиться: летом 1975 года отправляет документы для поступления на Высшие литературные курсы. На ВЛК Машуку учиться не пришлось, но участие в восьми съездах писателей СССР и РСФСР, в VI Всесоюзном совещании молодых писателей явилось для него хорошей творческой и мировоззренческой школой. По рекомендации В. Распутина, Е. Носова, А. Иванова, на семинарах которых Машук учился, он был принят в 1976 году в члены Союза писателей СССР.

Подтверждением права на такое высокое признание явилась новая талантливая книга «Горькие шанежки» — о детях, живущих в годы Великой Отечественной войны на маленьком полуостанке в Амурской области. Позже, на Всероссийском конкурсе под девизом «Ради жизни на земле» в честь 40-летия Победы, эта книга из 376 представленных была удостоена диплома и поощрительной премии. 14 рассказов, вошедших в книгу, объединяет одна тема — трудная жизнь детей и взрослых в тылу от первого до последнего дня войны. Невзгоды и лишения военных лет, холод и голод, потери близких влияли на раннее взросление

детей, учили их ценить доброту и распознавать зло. С любовью к детям и взрослым, дававшим уроки добра и справедливости, написана эта книга, согретая светлыми и грустными воспоминаниями автора о своём детстве.

70-е годы в жизни Бориса Машука были временем не только напряжённого творческого труда, но и кипучей общественной деятельности. В 1971–1977 годах Машук возглавлял областное литературное объединение «Приамурье», собирая и возвращая начинающих авторов, организовывал обсуждение их рукописей, при этом всегда отвергал в сочинениях молодых «стороннее наблюдение жизни» — ведь сам он как художник активно вторгался в действительность. Спустя годы, в день 50-летия своего наставника, повзрослевшие члены литературного объединения в шуточной форме выразили ему свою признательность: «Семь лет Вы руководили разношёрстным и горластым сборищем молодых непризнанных гениев... за эту хлопотливую должность ничего не платили... и руководителем, и членами объединения двигала только одна страсть — любовь к литературе. И сегодня Вы готовы помочь молодым дарованиям по велению сердца и таланта, человеческого и литературного». С 1970 года Машук не значился ни в одном штате (а ведь были семья, дети). В интервью для газеты «Благовещенск» писатель рассказал, как один начальник, видимо, из сочувствия, предложил ему ставку... полотёра. «Но я же гордый... отказался».

Между тем в литературной жизни Приамурья произошли хорошие перемены: к 1977 году в Союз писателей были приняты Н. Фотьев, А. Побожий, Л. Андреев, Б. Машук. С прибытием на БАМ поэта О. Головки был преодолен уставной барьер: при наличии пяти членов творческого Союза можно было ставить вопрос о создании областной писательской организации. Секретариат правления Союза писателей России принял положительное решение. 17 января 1977 года в Благовещенске состоялось учредительное собрание, на которое приехали писатели из Хабаровска, Якутии, Забайкалья, Камчатки. Секретарь правления СП РФ М. П. Шевченко под бурные аплодисменты огласил текст решения о создании Амурской писательской организации. На бумаге выходит просто, а в жизни всё было сложнее. Не зря потом скажет Александр Филоненко: «Немало пота и крови ушло у Машука на создание областной писательской организации». Первым ответственным секретарем её был избран Борис Андреевич Машук.

Ему приходилось не раз спасать молодую организацию. Одни писатели уезжали из области, другие уходили из жизни. На одном из пленумов

С женой
Тамарой
Михайловной
и дочерью
Людмилой

СП РСФСР Сергей Михалков назвал Амурскую писательскую организацию в числе находящихся в критическом состоянии (в ней оставалось четыре члена СП). Из рассказа Машука об этом пленуме: «У меня в кармане лежала телеграмма от поэта Евгения Замятина, согласного переехать к нам с Сахалина, и, не выдержав, я с места поправил высокого председателя Правления: «Уже пять, Сергей Владимирович!». Михалков ответил: «Значит, растут товарищи».

Бойцовский характер Машука проявлялся и в кабинетах местной власти, где приходилось решать многие вопросы, отстаивать интересы писателей. Хозяин одного из высоких кабинетов, настаивая на своём, повысил голос. Машук позднее рассказывал: «Я спокойно спросил: «Вы знаете, в чём разница между вами и каждым членом писательской организации? Вы, как человек временный в этом кабинете и вообще на Амурской земле, скоро расстанетесь с нами, и никто не вспомнит о вашем бытии. А после писателя остаются книги, у которых есть способность переживать своих авторов. Давайте говорить о писательской организации с большим уважением». Подействовало».

Организация способствовала объединению литературных сил Приамурья. В члены Союза писателей СССР были приняты поэты О. Маслов, Т. Шульга, прозаик А. Терентьев. Во время секретарства Машука оформлялись документы для приёма в члены СП Л. Симачёва и И. Игнатенко — сейчас он председатель правления областной писательской организации. В те времена приём в СП был непростым делом, требовалась большая подготовительная работа со стороны местной организации и её сек-

ретаря. На всё это у Машука хватало энергии. Больно ранили его потери. «Умер Игорь Ерёмин, его не заменит никто. Голосом Евгения Замятина, похороненного в Талакане, тоже никто не заговорит». — В этих словах Машука — горечь утраты, сознание невосполнимости потерь.

Но жизнь продолжалась, и продолжалась работа. Произведения амурских писателей публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Дальний Восток», в центральных издательствах: «Художественная литература», «Современник», «Детская литература» и др. В городах и районах области проводились Дни литературы и искусства. Творческие группы, в состав которых входили Б. Машук, И. Игнатенко, О. Маслов, Г. Шумейко, В. Яганов, композитор Н. Лошманов, певец В. Побережский и др., выступали на строительных площадках, пограничных заставах, в сельских клубах, школах, дарили своё искусство жителям самых отдалённых мест области. Большим культурным событием явилось проведение по программе шефства над пограничными войсками декады «Советские писатели — родной Армии», в которой участвовали не только амурские писатели, но и поэты и прозаики из Москвы, Киева, Ленинграда, Риги.

Особой заботой ответственного секретаря была помощь писателям. Не зря говорят о том, что талантливые люди не пробивные: «Талантам надо помогать, бездарные пробьются сами». И Машук помогал, поддержку ему оказывал главный редактор журнала «Дальний Восток» Н. М. Рогаль. При участии Машука увидели свет книги молодых прозаиков В. Лецика и Л. Симачёва, с его участием проходили в Москве обсуждения книг О. Маслова и Н. Фотьева.

При этом Машук выполнял и другие непростые обязанности — члена правления СП РСФСР, члена редколлегии журнала «Дальний Восток» и

На отдыхе
в окрестностях
Благовещенска

редакционного совета Хабаровского книжного издательства, депутата областного Совета народных депутатов. Трудное и интересное было время. Руководитель писательской организации находил поддержку у власти. «Вспоминая трудности, благодарю судьбу, что довелось активно жить, руководить творческим коллективом в иные времена. Как бы и что бы ни говорили, я всегда мог рассчитывать на поддержку партийных и советских органов. Люди от той власти знали, что без литературы, искусства, культуры нельзя рассчитывать на нужные тонны, квадраты, километры», — уже в «демократическое» время делал выводы Машук. Среди светлых воспоминаний Бориса Андреевича была яркая картина празднования 10-летия писательской организации: переполненный зал Дома молодёжи, многочисленные приветствия, чтение стихов, песни, гром оркестра, в руках многих юбилейный выпуск газеты «Литературное Приамурье». Это был праздник литературы!

Наступил полувековой юбилей Бориса Андреевича. Письма, телеграммы от читателей, братьев-литераторов, грамоты от общественных организаций, воинских частей, приветственные адреса от редакций газет, журналов, радиокомитета, телевидения, издательств обрушились на юбиляра шквалом. Это было выражение любви к сочинениям писателя, уважения к нему как к личности. Президиум Верховного Совета РСФСР в 1987 году присвоил Б. А. Машуку почётное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Но какой же юбилей без дружеских шуток. Композитор Николай Лошманов в стихотворной притче представил юбиляра Машука в горской сакле, перед советом старейшин, заявивших гостю, что на Кавказе уже есть одна гора Машук.

— Вай! Какое бескультурье, —

Закричал Борис в ответ. —

На далёком на Амуре

Я — гора в литературе!

Я — Машук! Ты понял, дед?

Старейшины стояли на своём:

— Слушай! Мы подарим сразу

Шашку, бурку, ишака.

Уезжай! Зачем Кавказу

Две горы, два Машука?..

Литературное дарование Машука было многогранным. Во второй половине творческого пути автор известных повестей и рассказов заявил о себе как блестящий публицист. «Публицистика сегодня — долг каждого неравнодушного к судьбе своей родины писателя», — утверждает В. Распутин. Машук не мог оставаться равнодушным к тому, что происходило в стране в конце 90-х: разгул дикого рынка пагубно сказался и на судьбе писателей и их книг. В «Амурской правде» печатались яркие публицистические статьи Машука. В памфлете «Наконец-то мы их перегнали!» («АП», 13 марта 1992 г.) писатель язвительно оценивал новые порядки, при которых стало возможным разворовывание того, что было создано народом. «Нет у нас закона, по которому за такие дела можно судить!» — гневно и потрясённо заявляет публицист. Уже тогда, раньше многих, Машук понял, что произойдёт разделение общества на богатых и бедных: «Мы належке, со сверканием некоторых мест, а они в смокингах, уже господа, отягощены собственными миллионами». Давно мечтали догнать и перегнать Америку — вот и перегнали по количеству бирж и миллионеров. В амурских городах бирж больше, чем общественных туалетов. «Да, мы их догнали! Теперь чешем с голыми задницами впереди них... належке, освободившись от доступных цен, хлеба с маслом, государственных квартир...».

Одно из самых острых выступлений Б. Машука — статья «Подлость» («АП», 1 февраля 1995 г.). В ней — о намерениях «демократической» власти снести Мавзолей Ленина, о попытках обвинить вождя Октябрьской революции во всех современных бедах — в чеченской войне, в экономической разрухе. Порой щедринской силы достигает стиль Машука, представляющего Грачёва, «какого-то министра какой-то обороны», Ельцина, «главного капельмейстера на второсортных проводах третьесортной армии», «приближённых-приблатнённых к Кремлю лиц» и т. д. Глухонемой общественности, молчаливому народу адресует публицист свою гневную статью — призывает защитить государство, разрушаемое теми, кто его не строил.

«Как у всякого большого писателя, у Машука были недруги, мелкодушные и завистливые», — с горечью сказал хорошо знавший писателя и его окружение Игорь Игнатенко в прощальной статье о Машуке. Некоторые «демократические» средства массовой информации обрушили на Машука град оскорбительных и лживых обвинений. Защищая свою честь и достоинство, Борис Андреевич вынужден был обратиться в суд с исковым заявлением. Он не только отстаивал собственную (незапятнанную!) репутацию честного русского писателя-гражданина, но и брал под защи-

Встреча с читателями

ту ценности общественные и нравственные — те ценности, которым был верен всю свою жизнь: совесть, справедливость, патриотизм, гражданское мужество, уважение к истории и национальным святыням.

1997 год. Борису Андреевичу — 60 лет. В «Амурской правде» портрет юбиляра — доброе и сосредоточенное выражение лица. Много повидал, пережил, создал.

От Правления СП России пришла поздравительная телеграмма с «пожеланием здоровья и новых творческих успехов». Среди многих поздравлений — открытка: «Борис! Желаю успеха, серьезной работы в литературе. А вообще моё предложение — сюда, в Томск, Вас переселить. Для начала Вам надо бы в конце июля заглянуть ко мне — обязательно». Это писатель Владимир Колыхалов, уехавший из Благовещенска в Томск, звал Машука из глубинки в старинный культурный центр Сибири. Когда-то по поводу отъезда из Благовещенска того же В. Колыхалова, Д. Аношкина, Л. Завальнюка Борис Андреевич сказал: «Грешно покидать землю, тебя взрастившую». Патриот своего края, Машук остался на родине. Да и как уехать от земли, по которой столько хожено, о которой столько написано?! Созвучны этому настроению Машука стихи, адресованные ему в юбилей Виктором Алюшиным:

*А помнишь БАМ, тот полустанок,
Что был известен всей стране?
Сейчас для многих дела нет,
Что было с нами и страной.
Но были мы! И нам с тобою
В тайге останется рассвет.*

А жизнь писателя становилась всё сложнее. Навалились болезни. Семья жила трудно, но об этом Машук, с присущим ему юмором, говорил: «Трепыхаемся». Но главное, что мешало творческой работе писателя и постепенно его убивало, — его не печатали. В «рыночных» условиях для переиздания книг Машука не находилось денег. В статье «Совесть не продаётся» («АП», 19 апреля 2000 г.) Игорь Игнатенко справедливо заявляет: «Убила Машука гайдаровская шоковая терапия. Сделано это откровенно цинично, жестоко и расчётливо. Именно так я считаю и бросаю слова гнева тем, кто мог бы, да не захотел поддержать выпуск книг писателя, укоротив тем самым его дни». А Борис Андреевич много работал, до конца дней готовил к переизданию свои книги, начал новую повесть о тружениках села — «Прототипы». Но не выдержало сердце: от третьего инфаркта Б. А. Машук скончался 24 января 2000 года. Ушёл из жизни в расцвете творческих сил, полный интересных замыслов.

«Он любил жизнь, уважал людей, ценил прежде всего честность и доброту. У него было много настоящих друзей. Не мог писать по чьей-то воле. Он был Борисом Машуком. Богатства не нажил, но гордость свою имел. Этим и был нам дорог», — так написали о Машуке в некрологе журналисты «Амурской правды» («АП», 26 января 2000 г.).

Когда-то, будучи молодыми, Борис Машук и Александр Филоненко во Владивостоке гуляли у бухты Золотой Рог. Увидев пароход с названием «Машук», Борис сказал с юмором: «А может, в честь меня назвали?». Но и сегодня его именем не называют пароходы, улицы, скверы, школы. А стоило бы: талантливый писатель, патриот земли Амурской заслужил это.